

ГОРДОСТЬ НАЦИИ

Рассказы

ВОЛЫНСКИЙ

Посвящается моему лучшему другу

Предисловие

Данный биографический очерк посвящен одному из забытых имен русского искусства — композитору Петру Львовичу Волынскому. Не знаю, достоин ли он называться композитором — единственным его крупным сочинением является опера с нелепым названием «Агамемнон во Фракии», которая вдобавок и не сохранилась (ее партитура сгорела при пожаре в театре золотопромышленника Швецова). Однако давайте вместе посмотрим на его жизнь, его поступки и деяния. Разве нет в них чего-то такого, что характерно для судеб всех гениев музыки, чего-то общегениального, если так можно выразиться? Но, с другой стороны, в них несложно обнаружить и много пошлого, недостойного великого человека, того, что принято презрительно именовать мещанством. И кем же был Волынский? Великим гением, равносильным по степени дарования Мусоргскому или Пуччини, или неуверенной в себе посредственностью, погибшей слишком рано, чтобы успеть разочароваться в избранной дороге? Он мог быть тем, но с той же долей вероятности мог быть и другим. От этого изучать и описывать его кучую биографию было занятно вдвойне.

Д. Р.

Родился Петр Львович Волынский в Москве в семье действительного тайного советника Льва Алексеевича Волынского, и потому его детство проходило как детство любого сына высокопоставленного чиновника той поры: всякие гувернеры, жизнь без забот и противоречий... Его будущее было предreshено и ему оставалось только, наслаждаясь, плыть по течению молочной реки вдоль кисельных берегов. Но в один судьбоносный вечер родители привели мальчика в Большой театр, на оперу «Zauberflöte» Амадея Моцарта... Дракон, Царица Ночи, Папагено-птицелов, маг Зарастро и злобный мавр Моностагос пленили сердце и воображение юного Петра. В тот же вечер во время ужина он заявил о том, что станет великим композитором и будет писать оперы с маврами и драконами.

«Я был увлечен до последней степени, мой юный энтузиазм не знал границ. Все больше приходил я к убеждению, что в качестве государственного чиновника никогда не буду счастлив. Теперь уже ни просьбы, ни угрозы не могли ничего изменить. Я хотел стать музыкантом, и никакая сила в мире не заставила бы меня стать чиновником».

Мальчику, по его слезной просьбе, сердобольная матушка приобрела рояль и подыскала педагога. Аркадий Анатольевич Шубин, виолончелист и главный выпивоха оркестра Большого театра, педагогом-то был посредственным, а музыкантом, по правде говоря, и того хуже, но с ним Петя начал серьезно заниматься. И вскоре, как говорится, дело пошло, заладилась; у мальчика обнаружили неплохие слух и память, и на третье занятие он уже принес свой первый опус — «Tarantella pour fortépiano solo». Пьяный Шубин отозвался о сочинении восторженно, а от похвалы из уст, как-никак, профессионального музыканта, переигравшего на своем веку всего и всякого, воображение юного Волынского разыгралось не на шутку и начало рисовать ему честолюбивые картины его будущих великих свершений. Сестра вспоминала, как он сказал ей однажды: «Вот увидишь, обо мне еще весь мир заговорит! Я добьюсь успеха, уважения, любви, и в искусстве скажу новое слово. Ты будешь гордиться тем, что я твой брат...»

А тем временем Волынскому исполнилось столько лет, что нужно было уже решать окончательно вопрос о его будущем, но вот тут-то амбиции Петра столкнулись в конфликте с желаниями его отца. Лев Алексеевич, будучи человеком приземленным и тупым, хотел для сына такой профессии, которая позволила бы тому в ус не дуть, жить сыто, спокойно и припеваючи. Между отцом и сыном состоялся неприятный разговор, в ходе которого Петр Львович прямо заявил отцу, что у него есть одно будущее — музыка, и жизнь его ни с чем другим быть связана не может; на это Лев Алексеевич стал возражать сыну, что таланту у того — кот наплакал, что тот избалован и глуп и что следует, пока возможно, воспользоваться папиными связями.

Кончилось все тем, что Петр ночью, тайком сбежал из дома и поехал в Санкт-Петербург искать славы и занятий, достойных свободного художника.

«Всем моим поступкам, мечтам, счастьям и несчастьям только успех может служить достойным оправданием, иначе же вся жизнь моя окажется жалкой, пошлой и недостойной внимания».

* * *

«В Петербурге все серо и мрачно, и небо здесь постоянно пасмурное, и дожди идут беспрерывно. От этого на душе хандра, но музыку хочется писать еще сильнее, каждую свободную минуту, секунду. Непрерывно!» Однако Волынский быстро понял очень простую истину: для того, чтобы жить и питаться, нужны деньги. Поэтому пришлось ему искать себе работу по способностям и по зову сердца. Так Петр устроился пианистом в бордель с репутацией, плохой даже для публичного дома, но меньше чем через неделю полиция этот притон благоуспешно прикрыла. Тогда Волынский решил преподавать игру на фортепиано, и напечатал в газете следующее объявление: «Приходящий на дом педагог г-н Pierre Volinsky (дворянин, не поляк) дает уроки игры на фортепиано и хороших манер за очень умеренную плату». Ученица у него появилась всего одна, но зато какая! Сашенька Швецова, красавица, к тому же дочка золотопромышленника Степана Даниловича Швецова, построившего железную дорогу из Рыбинска в Ярославль. Про Сашеньку, надо доложить, в обществе ходили мнения довольно разнородные и неоднозначные. Так, заявляли, например, что она «глупа, как воробей» и «наивна, как окорок»... Но красива была, черт возьми! Такими, вероятно, были греческие нимфы, сводившие с ума даже античных богов... Нечего и удивляться в таком случае, что и наш герой потерял сон, аппетит и голову, а через месяц уже предложил своей ученице руку, сердце и себя всего, решительно всего! Барышня, расплакавшись, дала согласие, но лицемерное общество стало с тех пор считать Петра Львовича лицемером, альфонсом и, все-таки, поляком.

* * *

Золотопромышленнику Степану Даниловичу Швецову с давних пор не давали покоя лавры незабвенного Саввы Матвеевича Носорогова. Тот, ставши меценатом, сумел покорить всю Европу своей оперной антрепризой. Недолго думая, Швецов заявил, что «раз жид смог, то русский и подавно сможет» — и создал свою оперную труппу. А рассудив, что публика падка на что-нибудь эдакое да поновее, он заказал своему названному зятю оперу «Агамемнон во Фракии», либретто к которой было написано самим Швецовым, считавшим себя знатоком и ценителем античности, еще в молодости (долго рассказывать). Может быть, это была Судьба, но Волынский и сам с детства бредил всеми этими Одиссеями, Персеями, Фемистоклами, и поэтому, услышав название будущей оперы, он тут же, с радостью и каким-то безумным блеском в глазах дал свое согласие.

* * *

«Идеи, темы, гармонические ходы, оркестровые эффекты, различные музыкальные “хитрости” так и льются из меня потоком! И не ручей имя ему уже, а море! Ха-ха! Записываю их на чем попало, а затем все эти бумажные обрывки складываю в специальный ящик своего стола. Не дай Бог, что-нибудь оттуда потеряется! Не вспомню же! Но какое счастье! Как же приятно это все по-серьезному испытывать впервые! Даже во сне я слышу свою музыку! Я решил, что сразу после свадьбы (красивой, пышной, дорогой), начну писать оперу уже небело, от начала и до конца».

«А начинать страшно. Ведь будет же ужасно обидно, если из такой задумки выйдет второсортная поделка!»

«Работа идет медленно и не так уж легко, как мне бы хотелось. Что в голове было так ловко, эффектно, красиво, умно, теперь на бумаге выходит плоско, довольно банально и до обидного несовершенно. Вот и ума не приложу, что же тут всему виной: таланта ли у меня нету, тема ли не моя или же всегда так было и будет в творчестве? Сажу над “Агамемноном” целыми днями, а написать удастся пару страниц, а то и строчек! И, вроде бы, по отдельности многие фрагменты и недурны, но все вместе выходит слабо и плохо. Господи, помоги!»

«За вчерашний день исписал два с половиной сантиметра чернил (я замерил) и в три часа ночи наконец-то закончил свою окаянную оперу. Были странные ощущения: с одной стороны, “наконец-то”, а с другой — даже грустно как-то покидать эту мной созданную Элладу. Хотя примешивается и еще одно чувство — страшное недовольство конечным результатом: финал написан просто отвратительно, и неудачные моменты есть по всей опере. Весь сегодняшний день сидел и что-то правил, добавлял, менял местами, переписывал заново, и все равно, мне самому, автору, самому важному судье, эта опера не то что не нравится, она мне противна! Устал от всего как собака. Творчество — это каторга, рабский, мучительный труд! Я к такому, честно говоря, готов не был...»

* * *

Волынский проиграл уже готовую оперу Семену Даниловичу, тесть был тронут, расцеловал своего зятя и даже вытер платком слезу, сбежавшую по черной ухоженной бороде...

* * *

Начались репетиции. Бывшему патриаршему протодиакону Василию Грязному, выгнанному из Свирского монастыря за приставания к мальчикам-хористам, поручили партию Агамемнона; Клитемнестру согласилась исполнять молодая и капризная сопрано Елена Ростовская, а роль Менелая досталась Николаю Сыровому, баритону-забияке, наглецу, склочнику и бретеру. Репетиции проходили тяжело: Грязной напивался с кларнетистами в оркестровой яме, Сыровой скандалил с рабочими сцены, вызывал их на дуэли и иногда присоединялся к Грязному и кларнетистам, Ростовская пыталась изображать из себя примадонну, что получалось у нее довольно посредственно, и покрывалась отвратительными красными пятнами, когда начинала нервничать, что случалось достаточно часто. А Швецов и вовсе приводил на репетиции каких-то непонятных девок, коих он представлял как «молодых, многообещающих певиц» и которые постоянно хихикали, сидя на задних рядах. Вольтинский злился, негодовал, топал ногами, кричал, рычал, и малейшая трудность, с которой он сталкивался, доводила его чуть ли не до слез, а когда Сыровой и у него потребовал сатисфакции (суть конфликта была такова: Сыровому ариозо царя Менелая в конце второго акта не понравилось категорически, и он предложил заменить его каватиной Фигаро из «Севильского цирюльника» Россини — все равно никто не заметит; за это Вольтинский обозвал певца в сердцах «педерастом», причем, судя по слухам, небезосновательно), автор и вовсе перестал посещать репетиции, чем сильно обидел тестя.

* * *

Через полгода «Агамемнон», хотя и с горем пополам, но был разучен. Изготовили и костюмы с декорациями. Пора было перед народом ответ держать. Швецов на рекламу не скупился: во всех газетах крупным шрифтом напечатали, что такого-то числа «представлением оперы г-на Вольтинского “Агамемнон во Фракии” (либретто С.Д. Швецова) (мировая премьера!) открывается Оперный театр С.Д. Швецова».

«Я все больше прихожу к убеждению, что “Агамемнон во Фракии” есть вещь первоклассная. Сейчас я чуть отдохнул, успокоился, мои нервы пришли в норму, и я могу теперь ясно видеть недюжинные достоинства моего детища. Отец был неправ! Есть! Есть талант! Мне даже кажется порой, что оперы совершеннее еще не было. Я понимаю, что это звучит смешно и самоуверенно, но что я могу с собой поделывать?»

Премьера обещала стать настоящим событием; ожидался даже приезд самого великого князя Петра Николаевича; прошел шепоток, что за это Швецов обещал оплатить часть внушительных карточных долгов августейшей особы.

И настал день долгожданного первого представления.

А вот и третий звонок. Дамы в платьях, с соболями и лисами, мужчины в кителях и фраках, на крайний случай, в сюртуках, с орденами и цепочками часов, девицы в белых, по локоть, перчатках, обменявшись всякими новостями и выпив в буфете чаю, усаживаются в своих ложах, достают бинокли и смотрят на дирижера, который медленно и чинно проходит через ряды оркестрантов к своему пульту. Зал наполняет неторопливо мрак, взмах дирижерской палочки — и заиграли альты. Поднимается занавес, волшебство театра начинается...

Великий князь приехал к концу 1-го действия. Невнимательно и с нескрываемой скукой, часто зевая, следил он за происходящим на сцене, а в ложу неслышно, на цыпочках, прошел какой-то неизвестный мужчина лет сорока, лысенький, низенький, типичная канцелярская крыса, достал револьвер и выстрелил Петру Николаевичу в затылок. Представление тут же было остановлено.

Как выяснило следствие, убийцу великого князя звали Виктор Демочкин, он утверждал, что совершил преступление, потому что князь обесчестил его дочь и не женился на ней. Правда, в полиции ему не очень-то поверили, ибо тут наверняка не обошлось без проклятых эсеров. Демочкина в итоге повесили по приговору военно-полевого суда, но премьера «Агамемнона во Фракии» была сорвана. «Мне, конечно, великого князя жалко, но более мне жалко сорванную оперу мою, на которую ушло столько сил, трудов, нервов!»

Однако на следующий день... Во всех газетах! На первых полосах и крупным шрифтом! «Великий князь Петр Николаевич убит на премьере оперы г-на Вольтинского “Агамемнон во Фракии”!», «Великий князь застрелен во время оперы “Агамемнон во Фракии” П. Вольтинского» и т.д. Заголовки были различны, но во всех упоминалась опера и ее создатель. «Кажется, этот эсер Демочкин меня прославил на весь Петербург!»

И действительно: имя его услышали, имя его запомнили, так что последующие представления оперы давали полные сборы, «Агамемноном» заинтересовался Мариинский театр. Говорили, что какое-то любопытство к ней проявлял сам Николай II. Якобы монарх даже хотел посетить одно из представлений, но его в последний момент отговорил Григорий Распутин. Небольшое интервью с Вольтинским появилось в газете «Музыкальный досуг»:

— Петр Львович, расскажите, пожалуйста, нашим читателям о своей работе.

— Вы понимаете, для любого музыканта главное — не торопиться в своих занятиях. Я сейчас подбираю материал для своего следующего замысла — я задумал написать еще три оперы на античные сюжеты, и вместе с «Агамемноном во Фракии» они составят единое целое, как тетралогия Вагнера «Кольцо Нибелунга». Степан Данилович (Швецов, тесть — прим. ред.) уже дал согласие писать к ним либретто. Моя тетралогия будет манифестом, поднятым мною знаменем, призывающим музыкантов вернуться к истинной опере, с ариями,